

Николай Еременко — из «звезд». Его работы в кино, начиная с первых ролей — в экранизациях фронтовой прозы Юрия Бондарева «Горячий снег» и романа Стендаля «Красное и черное», — быстро становились популярными. Сложные психологические роли, а затем... супермен в «Пиратах XX века» Бориса Дурова по сценарию Станислава Говорухина, блестящий и холодный аристократ — князь в «Эскадроне гусар летучих» Никиты Хубова. Разные роли, разные жанры — как объединить тончайший социальный психологизм Стендаля, «крутую» атмосферу раннего отечественного боевика и развеселую российскую экзотику начала прошлого века!

10.04.

Николай Еременко: **БЕРЕЧЬ ХРАНИТЕЛЕЙ ОГНЯ**

— Значит ли это, что вы начали сразу как многоплановый актер?

— Ну, знаете, сейчас меня героем-любовником уже не зовут, — со скептической усмешкой отвечает Николай Еременко и добавляет уже серьезно: — И я очень этому рад. С возрастом уходит время героев, и сейчас я больше играю характерные роли...

— Расскажите о ваших последних работах.

— Недавно я закончил сниматься у Виктора Титова в фильме «Восточный роман». А еще сыграл роль жильца в «Белых ночах» Леонида Квинихидзе — очень интересная, характерная роль — человек с холодным, светящимся кристаллом внутри.

— Это экранизация Достоевского, перенесенная в современный Петербург?

— В строгом смысле слова, это все-таки не экранизация. Сценарист Владимир Валущкий написал историю, произошедшую с нашими современниками. Просто он оттолкнулся от прозы Достоевского.

— Как вы относитесь к такому способу осмысления классики?

— Что ж, наверное, можно и так снимать кино. Видите ли, я обычно не очень вдумываюсь в концепции режиссера. Меня прежде всего интересует не фильм, а роль, образ, который я должен воплотить. Об остальном я беспокоюсь редко...

— А ваше отношение к Достоевскому?

— Я думаю, как у любого актера. У Достоевского ведь — чем он и соблазнителен, и опасен для актера — все точно написано: дрогнул в лице мускул, в глазах появилось такое-то выражение... Кажется, что еще — играй! А на самом деле точно сыграть редко кому удается. И каждый актер проверяет самого себя, свой уровень, примеряясь к образам Достоевского.

— Что значит для вас появление в столь частых ныне отечественных экранизациях зарубежных детективов? Например, в «Снайпере» по роману Чейза?

— Я часто вспоминаю слова Ростислава Плятта: «Сосредоточенность на профессии». Она должна быть. Чем хуже времена, тем артист должен быть собраннее. Необходима постоянная разминка — поэтому и «Снайпер». Меня, кстати, ругали и после «Пиратов XX века» за измену серьезному жанру. А если проследить весь мой творческий путь, то он и состо-

ит из таких чередований серьезных психологических ролей и легких «разминок»... Скажем, я сыграл «крутого» подполковника, вернувшегося из Афганистана и теперь расправляющегося с отечественной мафией, в фильме Я. Лапина по сценарию В. Черныха «Я объявляю вам войну». А сразу после этого снялся в «Царской охоте» Виталия Мельникова (кстати, так блестяще не замеченной критикой). А в «Снайпере» я снимался сразу после того, как сыграл сокола Колю — так зовут моего героя в серьезнейшем фильме Титова. Кроме всего прочего, мне самому было ужасно интересно, смогу ли я в свои сорок четыре года так же прыгать и скакать, как я это делал в «Пиратах XX века». Честолюбие — качество, артисту, по моему, совершенно необходимое.

— Незвирая на то, что отечественные фильмы сейчас посмотреть чрезвычайно трудно, зрители могут быть уверены, что Николай Еременко по-прежнему много работает?

— Да, можно так сказать. Из уже законченных работ я не назвал роли в фильмах «И Богу, и дьяволу» — там я сыграл эпизод, князя Радзивилла. Это, между прочим, первая в моей биографии эпизодическая роль. И фильм с садомазохистским названием «Сделай мне больно», где я сыграл, между прочим, кинорежиссера... Работая, я имел в виду одного режиссера. Может быть, из фильма станет ясно, о ком идет речь. Есть интересные предложения на будущее — например, режиссер Леонид Марягин предложил мне роль в фильме «Лев Троцкий» — это его давний замысел, который он только сейчас начинает осуществлять. Я буду там играть Эйтингона — советского резидента в Париже, одного из организаторов убийства Троцкого. Есть еще предложение режиссера Леонида Пчелкина сняться в историческом телесериале «Петербургские трущобы» по некогда очень популярному роману Крестовского. Предложение мне нравится, но, учитывая временную протяженность съемок, меня беспокоит, что будет трудно где-то сниматься параллельно...

— Ваш творческий диапазон по-прежнему широк — от детектива по Чейзу до исторического фильма о Льева Троцком...

— Он еще шире стал. Недавно я дебютировал в качестве эстрадного певца. Я, правда, отстал от времени — года два-

три назад только ленивый актер не пел. Я тогда молчал. Сейчас волна схлынула, ну, запел и я — вместе с Ириной Грибулиной. Она сама меня нашла, и я очень этому рад — Ирина Грибулина очень талантливый человек.

— А как вы относитесь к тому, что происходит в стране, и вообще к политике?

— Скажу откровенно, что мне все это обрыдло. Один выход — творчество как спасение от проблем... По-моему, в стране скоро совсем не останется народа — только его враги.

— А как складываются ваши отношения с прессой?

— По-разному. А вот у Саши Абдулова, по-моему, однозначно плохо. Вплоть до того, что он объявил вам войну, собирается «бить морду» и, наверное, есть за что. Но, видимо, Саша все-таки забыл, что в этой стране по-прежнему тому, кто чрезмерно «высунулся», этого не прощается. Хотя, в принципе, артист и создан для того, чтобы «высовываться». По-моему, это издержки «тусовок». Вечно артисту твердят: «Будь проще! Будь проще!» Полная ахинея. Сложнее, сложнее и еще раз сложнее надо быть. Только тогда можно быть интересным. Попытка быть проще, как правило, плохо кончается. Тебя начинают хлопать по плечу. И, как результат — то, что произошло с Абдуловым... Но, правда, есть выход, хотя, может быть, и временный, — стать, как один очень хороший артист, полубогом на нашей грешной земле, и это — гарантия, что на какое-то время ты защитишь себя от всякого рода нападков критики. Но не на все сто.

— А старшее поколение!

— Мастера занимаются делом... Вот расскажу вам эпизод, который о многом скажет. Наступил Новый год — 1 января. Праздник! Все, естественно, расслабились. Ну и я тоже — выскакиваю утром купить пару бутылок пива после встречи Нового года. И вдруг вижу: на троллейбусной остановке одиноко стоит Иннокентий Михайлович Смоктуновский. Куда в такую рань? А он отвечает: спешу в театр, на репетицию — поработать... Вот так. Старые мастера — хранители огня, которые берегут его, не дают загасить всем этим налетевшим зловонным ветром...

Беседу вел Д. САВОСИН.

Фото Е. Карусаар.